

AКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

**Сборник материалов
III международной заочной
научно-практической конференции
(июнь 2012 г.)**

снег так похож на опадающие лепестки белой сливы, что его вполне возможно принять за сливу и наслаждаться им, словно любуешься сливой.

Как видно, в средневековой японской поэзии слива почиталась не только как высоко эстетическое понятие, своего рода эталон красоты, что позволило ей стать постоянной метафорой возлюбленной или молодой девушки и передать самые тонкие нюансы человеческих чувств. Можно даже говорить о важной роли образа сливы для природной лирики в целом.

Список литературы:

1. «Манъёсю» / пер. с яп. и comment А.Е. Глускиной. Т. 1. М.: Главная редакция восточной литературы, 1971.
2. «Манъёсю» / пер. с яп. и comment А.Е. Глускиной. Т. 3. М.: Главная редакция восточной литературы, 1971.
3. Кокинвакасю: собрание старых и новых песен Японии: [т. 1]: Свитки I-VI / пер. со старояп. [и предисл.] А. Долина. М.: Радуга, 1995.
4. Ариока Тосиуюки. Моно то нингэн-но бунка си. Умэ (Культура человечества и вещей. Слива). Т.1. Токио: Издат. отдел ун-та управления и права, 1999.
5. Умэ-но бунка си (История возникновения и развития образа сливы в японской культуре). Осака: Изд-во фак-тет. япон. лит-ры женского университета Байка, 2001.

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ГЛАГОЛА,
ДЕТЕРМИНИРОВАННЫХ ПРАГМАТИКОЙ ЯЗЫКА,
В РАБОТАХ ЕВРОПЕЙСКИХ И КОРЕЙСКИХ ЛИНГВИСТОВ
XIX – XX ВЕКОВ**

Аникина В.В.

Отделение востоковедения научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Россия

В настоящее время утверждение о том, что корейский язык является языком малоизученным, уже нельзя считать единственно верным, поскольку в современной отечественной и зарубежной лингвистике появляется все больше и больше работ, посвященных описанию той или иной области корейского языка. На сегодняшний день уже накоплен достаточно большой опыт в сфере исследования грамматического строя корейского языка, систематизированы формы конечной сказуемости, классифицированы суффиксы, подробно описаны окончания причастного и деепричастного оборотов. Однако мало освещенным остается вопрос о зарождении и становлении лингвистической традиции в Корее, о первых работах европейских и корейских лингвистов, описывающих структуру корейского языка.

К этапу зарождения собственной грамматической традиции можно отнести работы европейских ученых XIX века, в которых впервые было представлено системное описание корейского языка. Авторами этих исследований стали Ф. фон Зибольд (1832), Ш. Гецлафф (1832), Л. Росни (1864), К.Ш. Дале (1874), Дж. Росс (1877, 1887), В.Г. Астон (1879), Дж. Макинтайр (1879-1880), Ф.-К. Ридель (1881), Дж. Скотт (1887, 1891, 1893), М.К. Эмбо-Ор (1889), Г. Ундервуд (1890), Дж.С. Гейл (1894). Европейские исследователи уделяли особое внимание описанию грамматики корейского языка, в частности, частеречной теории. Такое стремление ученых объясняется тем, что грамматика наряду с некоторыми другими областями знания наиболее близка к логике. Следовательно, изучение структуры неизвестного языка легче начинать с той области знания, которая имеет наиболее универсальный, системный характер. Очевидно, что именно грамматика в полной мере соответствует этим характеристикам. Именно поэтому европейские филологи стремились систематизировать корейский частеречный аппарат согласно грамматическим законам

родного им языка. Однако не все классы слов подчинялись правилам европейского языкоznания, встречались элементы, которые выходили за рамки логического, с точки зрения европейских ученых, объяснения. Ярким примером этому могут служить грамматические категории глагола, где присутствует наибольшее количество идиоматических элементов, не поддающихся объяснению с позиции универсальных правил европейского языкоznания. Особое место здесь занимает проблема описания форм вежливости, которые были для исследователей новыми аномальными элементами. В связи с этим целью настоящей работы является освещение способов интерпретации этих категорий европейскими и корейскими лингвистами XIX – XX веков, а также освещение возможных причин их существования в корейском языке.

Разнообразие лексических и морфологических форм вежливости, присущее корейскому языку, ставило исследователей XIX века в сложную ситуацию. Необходимо было в лучших европейских традициях объяснить особенности способов выражения вежливости. Наиболее успешным в этой области оказался Г. Ундервуд, который выделил три уровня вежливости, указав соответствующие морфологические показатели для каждого из них.

Г. Ундервуд отмечал, что отношения нижестоящего и вышестоящего очень важны и находят отражение в корейском языке [7, 207]. Именно поэтому, ученый посвящает целый раздел данной теме. Он указывает на то, что в корейском языке можно выделить простой, вежливый (нейтральный) и превосходный уровни вежливости, каждый из которых обладает определенным набором лексических и морфологических показателей. Г. Ундервуд отмечает, что помимо специальных лексических единиц, в корейском языке существуют маркеры вежливости ㅅ]/으ㅅ], которые присоединяются к основе глагольной формы. Он приводит следующие примеры глаголов в вежливой форме: 밗고요 – 밗고시오 (изменять), 일소 – 일흐시오 (работать), 가오 – 가시오 (идти), 서오 – 서시오 (стоять).

Последователями Г. Ундервуда можно считать корейских филологов Ю Гиль Чжуна и Ким Гю Сика, которые стали первыми корейскими лингвистами, представившими теоретическое описание родного языка в конце XIX века.

Ю Гиль Чжун и Ким Гю Сик помимо того, что выделяли в отдельную группу глагольные или предикативные прилагательные, которые могут выступать в предложении в роли сказуемого и принимать на себя глагольные функции, описывали также морфологические показатели вежливости глаголов, особые формы конечной сказуемости, выражющие различные pragматические цели высказывания.

Ю Гиль Чжун, детально изучая формы конечной сказуемости, остановился на вопросе о способах выражения вежливости в родном языке. Он выделил суффикс (으)ㅅ], с помощью которого образуется вежливая форма глагола, а также рассматривал формы выражения вежливости в рамках анализа типов глагольных окончаний (조용사) [8, 76]. В данной группе лингвист выделял особый класс окончаний (의사), объединяющий окончания со значением намерения, решения, долженствования, призыва, предположения, вопроса, требования [10, 253]. Такие окончания вносят дополнительный оттенок в значение глагола. Это явствует из следующих примеров:

1. ...여자는 긴 여행을 떠나기로 하였다. Женичина решила отправиться в длительное путешествие.
2. ... 아이들과도 상의를 해야 했다. ...необходимо было посоветоваться с детьми.
3. ...밖에 비가 오는 것 같아요. Кажется, на улице идет дождь.
4. 너는 어디에 있지? Где ты?
5. ... 설계한 인생의 다른 쪽을 한번 살아보자. Попробуй один раз пожить другой жизнью, той, которая не распланирована.
6. 각오하라. Готовься.

В настоящее время сложно сказать, какие именно окончания Ю Гиль Чжун относил к данному классу. Однако в современной грамматике корейского языка таким окончаниям соответствуют специальные аналитические формы, которые состоят из служебных имен существительных, прилагательных, глаголов.

Анализируя примеры, следует отметить, что сказуемое в 1 떠나기로 하였다 (*решила отправиться*) выражает значение *решения* и состоит из основного глагола *떠나다* (*отправляться*) и аналитической формы, выражающей решение что-либо сделать –*ги*로 *하다*, состоящей из окончания субстантива II –*ги*, частицы творительного падежа –*ро* и служебного глагола *하다*. Значение *долженствования* выражено сказуемым в 2 해 야 했다 (*необходимо сделать*), где глагольная конструкция представлена основным глаголом *하다* (*делать*) и аналитической формой *долженствования* –*야* *하다*, состоящей из деепричастия *предшествования* –*야* и служебного глагола *하다*. Сказуемое в 3 выражает *предположение* 오는 것 같아요 (*кажется идет*), представленное основным глаголом *오다* (*идти*) и аналитической формой *предположения* – 는 것 같다, включающей окончание причастия настоящего времени –*는*, служебное имя *것* и служебное предикативное прилагательное –*같다*. Сказуемое в 4 *вопросительной формы* 있지 (*есть, быть*) состоит из основного прилагательного 있다 (*быть, находиться*) и вопросительного окончания –*지*. Сказуемое в 5 살아보자 (*попробуй пожить*) представлено основным глаголом *살다* (*жить*), аналитической формой попытки действия – 야 보다 и окончанием пригласительного наклонения формы интимности –*자*. Наконец, сказуемое в 6 со значением *призыва* выражено глаголом 각오하라 (*готовься*), который состоит из глагола 각오하다 (*быть готовым, решиться*) и окончания повелительного наклонения формы интимности –*라*.

Следует отметить, что группа окончаний 의사 лингвиста Ю Гиль Чжуна отсылает к принципам Дж. Лакоффа, лежащим в основе классификации реалий [1, 44]. Однако в данном случае под эту характеристику подпадают не имена существительные и даже не глаголы, а служебные слова, что указывает на сильную детерминированность морфологических показателей прагматикой корейского языка.

Подобные классификации и способы их формирования можно проследить в работах Чжу Си Гёнга и его последователей, таких как Нам Гун Ок, Ким Ту Понг, Ли Гю Ёнг, Ли Пхиль Су, Ли Гю Банг, Ан Хвак, Ли Ван Ынг, Ли Пенг Ги и др. В отличие от Ю Гиль Чжуна эти филологи не выделяли классы 의사 и 조용사, но останавливались на детальном описании идиоматических глагольных форм.

Например, Нам Гун Ок в рамках исследования спряжения глагола выделял особый класс окончаний, включающий следующие виды: указательные (*직설법*), соединительные (*연접법*), побудительные (*명령법*), вопросительные (*의문법*), восклицательные (*감동법*), а также окончания, с помощью которых может выражаться модальность желания (*욕정법*) и др [9, 20].

Еще, одна работа корейского лингвиста Ан Хвака, привлекает внимание своей частичноченой классификацией. В рамках класса глагола Ан Хвак выделяет группу, в которую входят глагольные окончания: сложные (*복체*), простые (*단체*), общие (*전체*), связующие (*연체*) [10, 257].

Обобщающей работой, включающей все наработки корейских лингвистов начала XX века, можно считать книгу «Классификация частей речи корейского языка» (1930) корейского лингвиста Чве Хён Бе.

Чве Хён Бе впервые в корейской лингвистике смог дать теоретическую трактовку сущности многих идиоматических явлений языка. Он выделяет парадигматический класс предикативных частей речи, который делит, в свою очередь, на три группы: глаголы (*동사*), предикативные прилагательные (*형용사*) и глагольная связка 이다 (*지정사*) [12, 44]. В свою очередь, в рамках изучения глагола Чве Хён Бе рассматривается следующие виды

«инфиксов» (선어말어미): активный залог (사동), пассивный залог (피동), соединительные (겸비), вежливость (존경), возможность (가능), предположение (추량), подтверждение (확인), регулярность (습관), акцентирование (강세) и другие.

Разнообразие форм конечной сказуемости, а также глагольных суффиксов, с которыми столкнулись ученые, указывает на то, что большое количество морфологических показателей обусловлено прагматикой языка. Именно потребность в подробной дифференциации явлений действительности, с целью определения собственного места в окружающем мире, привело к появлению такого обилия грамматических форм.

В период зарождения и становления лингвистической традиции в Корее шло описание и систематизация знаний о языке. Процесс осмысления и поиск причин существования тех или иных грамматических форм, выходящих за рамки универсальных правил, начался лишь к концу XX столетия. Это объясняется рядом факторов, главным из которых является экономическое развитие страны. Расцвет научной мысли в Корее приходится на конец XX столетия, когда страна, оправившись от последствий гражданской войны, достигла стабильного экономического роста и направила все усилия на развитие образования и науки. Именно в это время корейские филологи переходят от описания родного языка к объяснению существования идиоматических грамматических категорий, в частности, форм вежливости и грамматических форм глагола.

В современной науке вежливость рассматривается не только как грамматическая категория, но и как социолингвистическая. Грамматические формы и лексические показатели вежливости классифицируются не только по уровням, предложенным еще Г. Ундервудом, но и представляются как показатели отношений участников коммуникации.

Современные корейские филологи, такие как Ким Чон Хун, Ли Гёнг У, Ли Чонг Бок, Ли Хан Гиль помимо классической классификации уровней вежливости, выделяют следующие категории социальной ориентации: 1) категория субъектного гоноратива [3, 108] (주체경어법), 2) категория депрециатива / гоноратива [3, 10] (각체경어법), 3) категория адрессива [3, 58] (상대경어법) [11, 125].

Если представить существующие виды вежливости в корейском языке, описанные лингвистами в начале XX века и в конце XX века, в терминах А.Д. Швейцера «стратификационная» и «ситуативная» плоскости, то к первой можно отнести традиционную уровневую классификацию, признанную и в российском, и в европейском корееведении, а ко второй – классификацию, предложенную современными корейскими филологами, где вежливая речь может быть ориентирована на субъект, объект или собеседника. Стратификационная вариативность отражает социально-классовую структуру общества не прямолинейно, а опосредованно через культуру и язык [4, 39]. Единицами стратификационного измерения языка являются языковые коллективы с их социально-коммуникативными ресурсами, что как раз и приемлемо для традиционной классификации на уровнях вежливости, которая отражает деление общества.

Вежливость как социальная и грамматическая категория, представленная в теории современных корейских филологов, может также быть освещена и в свете учения П. Брауна и К. Фрейзера о ситуативном измерении языка [5, 33]. Смещение исследования феномена вежливости в корейском языке в сторону ситуативной модели указывает на то, что корейские ученые, используя достижения европейских ученых в области социолингвистики, успешно объясняют идиоматические явления в собственном языке.

Грамматические категории глагола, обусловленные прагматикой языка, не могут рассматриваться и комментироваться в отрыве от культуры, в рамках которой они и возникли. В связи с этим идиоматические грамматические средства выражения прагматических категорий в корейском языке можно также представить в свете учений Герта Ховстеда и Дэвида Мацумото. Так, Г. Ховстеде занимался исследованием организационных культур в разных странах, результатом данного исследования стало определение маскулинных и фемининных типов культур [6, 125].

Маскулинный тип культуры принадлежит социуму, в котором ярко выражены социальные гендерные роли, иными словами, поведение мужчин и женщин отвечает традиционным для данного общества стереотипам и алгоритмам. Фемининный тип, наоборот, характеризует общество, в котором роли мужчин и женщин практически совпадают, и гендерная дифференциация не имеет особого значения на бытовом, профессиональном и других уровнях.

Богатое разнообразие грамматических форм вежливости, а также гонорифических и уничижительных лексических единиц корейского языка, представленное в теориях корейских лингвистов XIX – XX веков, является дополнительным доказательством принадлежности корейской культуры к маскульному типу.

Следует отметить, что вид, время, залог – безусловно, грамматические категории большинства языков, а вежливость, по крайне мере, во всех индоевропейских языках, является прагматической категорией. В языках, развитие которых обусловлено культурой маскулинного типа, выделяются грамматические средства, передающие значения категорий, относящихся в культурах фемининного типа к безусловно прагматическим, например, статусность, вежливость, возрастной ценз. В корейском языке под такой комментарием подпадает категория вежливости, которая имеет богатое разнообразие лексических и морфологических форм.

Кроме того, в этой связи необходимо отметить, что корейский язык принадлежит к сильно-контекстной культуре, полагающейся меньше на эксплицитный разговорный язык при передаче мыслей и сообщений, поскольку значительная часть информации, которую необходимо передать в коммуникативном эпизоде, описана параметрами контекста (статусными отношениями между участниками интеракции). Высказывание Д. Мацумото о том, что в японской культуре язык, манеры и другие аспекты поведения должны модифицироваться в соответствии с отношениями и контекстами, в котором происходит общение, вполне может быть применимо и к корейскому языку.

Корреляция языка и культуры также может быть прокомментирована в свете высказывания Д. Мацумото о том, что культура – это групповой способ структурирования мира для того, чтобы избежать хаоса и обеспечить выживание группы, а язык, в свою очередь, представляет собой систему символов, которая представляет и отмечает это структурирование [2]. Поэтому причины наличия грамматических категорий глагола, отражающих прагматику языка, могут быть объяснены требованием культуры корейского общества.

Таким образом, развитие теоретико-грамматической мысли в Корее эволюционировало от универсальных идей, проевропейских представлений к осознанию роли уникальных категорий языка. Объективный характер последних обусловлен тем, что корейский язык представляет культуру маскулинного типа и является сильно-контекстным языком. В результате имеется ряд грамматических категорий, детерминированных прагматикой языка. Именно эти категории формируют грамматическую идиоматичность языка.

Список литературы:

1. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов. Женщины, огонь и опасность // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XXIII. М.: Прогресс, 1988. 320 с.
2. Мацумото Д. Психология и культура. Библиотека Гумер. 2009. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Mats/17.php (дата обращения 17.03.2009).
3. Трофименко О.А. Корейско-русско-англо-иероглифический словарь лингвистических терминов. Уссурийск, 2009 .491 с.
4. Швейцер А. Д. К проблеме социальной дифференциации языка // Вопросы языкознания, № 5. 1982, С. 39-48.
5. Brown P., Fraser C. Speech as a Marker of Situation // Social Markers in Speech. K.R.Scherer, H.Giles (Eds.). Cambridge, 1979. P.33-62.
6. Hofstede G. Culture's consequences: international difference in work-related. Beverly Hills Sage Publication, 1984. 259 p.

7. Underwood H.G. An Introduction to the Korean Spoken Language. Yokohama: Seishi Bansa Review, 1890. 427 p.
8. 김규식 (金奎植) 大韓文法. 서울: 탑출판사, 1909. 146 페이지.
9. 남궁역 (南宮愬). 조선어법. 서울: 탑출판사, 1913 경. 232 페이지.
10. 이광정 국어문법연구 I 품사. 서울: 도서출판 역락, 2003. 494 페이지.
11. 이정복 경어법 사용의 전력적 특성. 서울, 1993. 125 페이지.
12. 최현배 조선어의 품사분류론. 서울. 1930. 144 페이지.

КОРЕЙСКОЕ ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В ПАРАДИГМЕ ИМЯСЛАВИЯ

Багинская М.В.

ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный лингвистический университет», Россия

Предметом рассмотрения в данной статье выступают имена собственные как элементы картины мира того или иного этноса. Не изменяясь в значительной степени на протяжении длительного периода времени, и, таким образом, сохраняя информацию культурного, исторического и иного характера, имена служат своего рода вместилищем тех представлений и верований, которыми жил народ в разные периоды. Это соображение справедливо практически для любого этноса, для любого времени культуры, ибо вне зависимости от культурной принадлежности всякий человек обладает именем.

Социальная идентификация человека невозможна без такого инструмента, как имя. Имя человека служит самым различным целям – от выделения индивида из множества подобных до указания на личностные качества человека. Самоопределение человека начинается с имени, все другие признаки, такие как пол, род занятий, склад характера – часто оказываются второстепенными в условиях коммуникации.

Однако, несмотря на неизбежную необходимость использования имени на протяжении всей жизни человека, вопрос о принципах и механизмах имянаречения остается открытым по сей день. Вопрос этот, тем не менее, чрезвычайно важен, поскольку ответ на него даст возможность более четкого, глубокого научного понимания функций имени, его места в системе «человек-язык-культура». В связи с этим, представляется возможным (вслед за В. Н. Топоровым) считать категорию имени собственного «проблемой культурной антропологии» [7].

Имя собственное, рассматриваемое в широком философском контексте, представляет собой довольно сложную по организации структуру, включающую не только формальные признаки, но и элементы информации, относящейся непосредственно к личности носителя этого имени. По словам П.А. Флоренского, «до имени человек не есть еще человек, ни для себя, ни для других, не есть субъект личных отношений, следовательно, не есть член общества, а лишь *возможность* человека, обещание такового, зародыш» [9, 95]. Иными словами, имя служит своего рода паролем для «вхождения индивида в мир людей и, напротив, утеря имени означает гражданскую и историческую смерть» [9, 98].

Такая точка зрения вполне соответствует изначальному, Библейскому пониманию имени, согласно которому имя воспринимается как полное и действительное выражение именуемого предмета или именуемой личности. В Библии имя имеет не отвлеченный или теоретический, а жизненно-практический характер: значение имени — не вербальное или словесное, а реальное или действительное. На языке Библии имя — не просто условное обозначение того или иного лица или предмета: имя указывает на основные характеристики своего носителя, являет его глубинную сущность.

Имя, кроме того, определяет место, которое его носитель должен занимать в мире. Имя таинственным образом связано с душой: когда имя произносят, оно возносится к